

Виктор Франкл

Воля к смыслу

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Виктор Франкл

Воля к смыслу

«Альпина Диджитал»

1988

Франкл В. Э.

Воля к смыслу / В. Э. Франкл — «Альпина Диджитал», 1988

ISBN 978-5-96-145224-2

«Воля к смыслу» – одна из самых авторитетных, блестящих, богатых на афоризмы и точные формулировки работ основоположника логотерапии, психиатра и невролога Виктора Франкла. Этот классический труд не утратил своей актуальности и написан столь доступно, что круг его читателей практически не ограничен. Автор выстраивает иерархию целей и ценностей и исследует многомерный потенциал личности, вмещающей в себя целый мир и ответственной за происходящее в ее судьбе. Говоря об экзистенциальном вакууме, стрессах и кризисах, воле к смыслу и жизни, о психологии и религии, Виктор Франкл дает ответы на вопросы, важные для любого современного читателя.

ISBN 978-5-96-145224-2

© Франкл В. Э., 1988

© Альпина Диджитал, 1988

Содержание

Предисловие	8
Введение	10
Часть I	14
Метаклинические предпосылки психотерапии	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17
Комментарии	

Виктор Франкл

Воля к смыслу

Виктор Франкл

ВОЛЯ К СМЫСЛУ

Перевод с английского

Переводчик *Л. Сумм*
Редактор *К. Чистопольская*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *М. Миловидова, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайнер обложки *Ю. Буга*
Фото на обложке EastNews

© Viktor E. Frankl, 1969, 1988 This edition published by arrangement with Plume, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Памяти Гордона Олпорта

Предисловие

Эта книга сложилась из лекций, которые я читал в летнюю сессию 1966 года в Школе богословия имени Перкинса при Южном методистском университете в Далласе, штат Техас. Передо мной стояла конкретная задача разъяснить систему, на которую опирается логотерапия. Хотя многими авторами неоднократно указывалось, что логотерапия, в отличие от других школ экзистенциальной психиатрии, создает собственно психотерапевтическую технику, редко замечают, что она также последняя из психотерапевтических школ, систематизировавших свою концепцию^[1].

Обращаясь к *основаниям* системы, главы этой книги определяют те фундаментальные предпосылки и аксиомы, на которых стоит логотерапия. Это цепочка взаимосвязанных представлений, поскольку логотерапия основывается на трех концептах: 1) свобода воли; 2) воля к смыслу; 3) смысл жизни. 1) «Свобода воли» подразумевает противопоставление детерминизма и пандетерминизма. 2) «Воля к смыслу» обсуждается как понятие, принципиально отличающееся от воли к власти и от воли к удовольствию, действующих в психологии Адлера и Юнга соответственно. Вообще-то термин «воля к власти» создан Ницше, а не Адлером, а термин «воля к удовольствию», вместо «принципа удовольствия» по Фрейду, придуман мной самим, Фрейд такое выражение не употреблял. Более того, принцип удовольствия следует рассматривать в рамках более всеобъемлющего понятия, принципа гомеостаза^[2]. Критически разбирая обе эти концепции, мы вынуждены будем подробнее разобраться с мотивационной теорией логотерапии. 3) «Смысл жизни» включает противопоставление релятивизма и субъективизма.

Применения логотерапии, которые обсуждаются в этой книге, также имеют три направления. Прежде всего, логотерапия применяется в лечении ноогенных неврозов; во-вторых, логотерапия лечит психогенные неврозы, то есть неврозы в традиционном значении термина; и, в-третьих, логотерапия применяется в лечении соматогенных неврозов и соматогенных заболеваний в целом. Как мы убедимся, все три измерения человеческого бытия отражены в этой последовательности тем.

В вводной главе этой книги логотерапия определяется по отношению к другим школам психотерапии и специально по отношению к экзистенциализму в сфере психотерапии. Последняя глава предлагает диалог логотерапии и богословия.

Я постарался учесть в этой книге последние достижения логотерапии – и в том, что касается формулировок каждой аксиомы, и в том, что касается иллюстративного материала. Однако стремление создать законченную картину цельной системы вынуждает меня включать также материал из предыдущих книг^[3]. То, что я называю экзистенциальным вакуумом, стало основным вызовом для современной психиатрии. Все больше пациентов жалуется на чувство пустоты и бессмыслицы, которое, как мне кажется, проистекает из двух источников: в отличие от зверя, человек не обладает инстинктом, подсказывающим, что ему *надо делать*, и, в отличие от людей прошлого, он больше не обладает традицией, указывающей, что *следует делать*. Зачастую человек даже не знает, чего он на самом деле хочет: он хочет либо делать то, что «все делают» (конформизм), либо делает то, чего хотят от него другие (тоталитаризм).

Надеюсь, я сумею передать читателю свое убеждение, что даже после распада традиций жизнь сохраняет смысл для каждого человека и, более того, смысл сохраняется буквально вплоть до последнего его вздоха. Психиатр может показать пациенту, что смысл жизни никогда не утрачивается. Разумеется, он не может указать пациенту, *в чем* состоит смысл, но может показать ему, что смысл *существует* и что жизнь его сохраняет, то есть остается значимой при любых условиях. Как учит логотерапия, даже трагические и негативные аспекты жизни, в том числе неизбежное страдание, могут обратиться в достижение благодаря той позиции, которую человек займет по отношению к своему несчастью. В противоположность большинству направ-

лений экзистенциальной мысли логотерапия ни в малейшей мере не пессимистична, однако она реалистична, то есть смотрит в лицо «трагической» триаде человеческого существования: боли, смерти и вине. Логотерапию можно по справедливости назвать даже оптимистической, потому что она показывает пациенту, как претворить отчаяние в триумф.

В наш век, когда традиции иссякли, психиатрия должна видеть главную свою задачу в том, чтобы оснастить человека способностью находить смысл. В эпоху, когда десять заповедей в глазах очень многих людей утратили непререкаемость, человеку пора научиться прислушиваться к десяти тысячам заповедей, скрытых в десяти тысячах ситуаций, из которых состоит его жизнь. Вот почему я надеюсь, что читатель признает: психотерапия обращена к потребностям часа сего.

Виктор Франкл
Вена, Австрия

Введение

Ситуация психотерапии и позиция логотерапии

Нынешняя ситуация в психотерапии характеризуется подъемом экзистенциальной психиатрии. Фактически можно говорить о прививке экзистенциализма к психиатрии как о важнейшей современной тенденции. Но, говоря об экзистенциализме, мы должны учитывать, что экзистенциализмов существует примерно столько же, сколько экзистенциалистов. Мало того что каждый экзистенциалист формирует собственную версию этой философии, каждый вдобавок использует терминологию по-своему, не так, как другие. Например, такие термины, как «экзистенция» и *Dasein*, несколько по-разному понимаются в творчестве Ясперса и Хайдеггера.

Тем не менее у всех авторов в поле экзистенциальной психиатрии есть нечто общее – общий знаменатель. Это выражение, которое данные авторы столь часто употребляют – и которым, увы, нередко злоупотребляют: «бытие в мире». Кажется, многие из них считают: чтобы называться истинным экзистенциалистом, достаточно время от времени произносить фразу «бытие в мире». Лично я сомневаюсь, что это дает полное право именовать себя экзистенциалистом, особенно учитывая, что (это нетрудно продемонстрировать) хайдеггеровская концепция бытия в мире в большинстве случаев перетолковывается в пользу чистой воды субъективизма, так, словно «мир», где «находится» человек, сам по себе есть всего лишь самовыражение этого человека. Я отваживаюсь критиковать столь широко распространенное заблуждение только потому, что однажды имел возможность обсудить это в личном разговоре с Мартином Хайдеггером и убедился, что в этом он со мной согласен.

Недопонимание в сфере экзистенциализма можно легко понять. Терминология тут порой эзотерическая, и это еще мягко сказано. Примерно тридцать лет назад я должен был выступать в Вене с публичной лекцией о психиатрии и экзистенциализме. Я привел два примера и сообщил слушателям, что один взят из текста Хайдеггера, а другой – из разговора с пациентом-шизофреником, который лечился в государственной больнице Вены в ту пору, когда я там работал. И я предложил аудитории проголосовать, где чьи слова. Хотите верьте, хотите нет, подавляющее большинство приписало отрывок из Хайдеггера больному шизофренией – и наоборот. Результаты этого эксперимента не должны, конечно, подводить нас к поспешным выводам. Ни в коем случае эта путаница не умаляет величия Хайдеггера, и для нас он остается такой же безусловной величиной, как для многих специалистов. Скорее этот результат указывает, как мало повседневный язык готов выражать неведомые доселе чувства и мысли, будь то революционные идеи великого философа или странные ощущения больного шизофренией. Общее для всех – кризис средств выражения, и я в другом месте уже доказывал, что нечто похожее происходит и с современным художником (см. мою книгу «Психотерапия и экзистенциализм. Избранные работы по логотерапии. *Psychotherapy and Existentialism, Selected Papers on Logotherapy*, Washington Square Press, New York, 1967, глава «Психотерапия, искусство и религия»).

Что же касается метода, который я назвал логотерапией и о котором идет речь в этой книге, большинство авторов согласны отнести его в рубрику экзистенциальной психологии. Еще в 30-е годы я придумал выражение «экзистенциальный анализ» (*Existenzanalyse*) как альтернативное для термина «логотерапия», созданного мною в 20-е. Позднее, когда американские специалисты начали публиковать работы в сфере логотерапии, они использовали выражение *existential analysis*, переведя *Existenzanalyse* на английский. К сожалению, другие авторы поступили точно так же со словом *Daseinsanalyse* – этот термин в 40-е годы великий швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер предпочел для обозначения собственного учения. С этого момента английское выражение *existential analysis* стало не слишком-то однозначным. Чтобы

не усиливать путаницу, порожденную таким состоянием дел, я все более избегал использовать в работах на английском языке выражение «экзистенциальный анализ». Зачастую я использовал термин «логотерапия» даже в контекстах, где, строго говоря, не было речи о терапии как таковой. Например, то, что я называю медицинским служением, представляет собой важный аспект в практике логотерапии, но показано это служение именно в ситуации, когда собственно терапия уже невозможна, поскольку пациент болен неизлечимо. Да, логотерапия и тут остается лечением в самом широком смысле слова – мы лечим позицию пациента по отношению к неизбежной судьбе.

Логотерапию не только помещали в категорию экзистенциальной психиатрии, но также внутри этой категории прославляли как единственную школу, сумевшую развить то, что можно по праву именовать техникой. Однако из этого не следует, что мы, логотерапевты, преувеличиваем значение техники. Давным-давно стало ясно, что в терапии важнее всего не техника, а человеческие отношения между врачом и пациентом, личная и экзистенциальная встреча.

Чисто технологический подход к психотерапии может помешать терапевтическому эффекту. Некоторое время назад меня пригласили прочесть в американском университете лекцию перед группой психиатров, работавших с людьми, которых пришлось эвакуировать во время урагана. Я не только принял приглашение, но и назвал эту лекцию «Техника и динамика выживания», что вполне устраивало спонсоров. Но в самом начале выступления я честно предупредил всех, что, до тех пор пока мы будем формулировать свою задачу лишь в понятиях техники и динамики, мы будем упускать из виду главное – сердца тех, кому попытаемся предложить первую психиатрическую помощь. Подступаясь к людям исключительно «технически», мы уже пытаемся ими манипулировать, а подступаясь к людям исключительно «динамически», мы их объективируем, превращаем в вещи. И эти люди, разумеется, сразу же замечают и чувствуют манипуляторство в наших приемах и нашу тенденцию объективировать. Я бы сказал, объективация сделалась первородным грехом психотерапии. *«Не-вещность» человека (а не его «не-вечность»)* – вот первый урок экзистенциализма.

Когда в рамках другого лекционного тура меня попросили выступить с обращением к заключенным тюрьмы Сан-Квентин, после этого выступления меня заверяли: узники впервые почувствовали, что их кто-то понимает. Ничего особенного я при этом не делал, просто воспринимал их как людей, а не воображал, будто имею дело с механизмами, которые надо исправить. Я воспринимал их так, как они сами изначально себя воспринимали, то есть как свободных и ответственных людей. Я не предлагал задешево отделаться от чувства вины, объявив себя жертвой биологического, психологического или социологического обусловливания. Я также не считал их беспомощными пешками на поле боя между «Оно», «Я» и «Сверх-Я». Не обеспечивал им алиби, не отнимал у них вину, не находил для нее удобных объяснений. Я относился к этим людям как к равным. Они услышали от меня, что сделаться виновным – прерогатива человека и ответственность человека – преодолеть вину.

Что я подразумевал, обращаясь таким образом к узникам Сан-Квентина, если не феноменологию в чистейшем смысле слова? Феноменология – попытка объяснить, как человек понимает самого себя, как он истолковывает свое существование без заведомых способов интерпретации, приуготовленных психодинамическими или социоэкономическими гипотезами. Принимая феноменологическую методiku, логотерапия, как определил Пол Полак^[4], пытается сформулировать в научных терминах непредвзятое представление человека о себе.

Позвольте мне вернуться к противопоставлению техники и личной встречи. Психотерапия – больше чем просто техника, потому что она – искусство, и она превосходит чистую науку, потому что она – мудрость. Но даже мудрость еще не все. В концлагере я помню женщину, которая покончила с собой. Среди ее пожитков нашелся обрывок бумаги с записью: «Сильнее судьбы – отвага, которая ее переносит». Вопреки этому девизу женщина свела счеты с жизнью. Мудрость сама по себе недостаточна без личного отношения.

Недавно мне в три часа ночи позвонила дама, сообщившая, что намерена совершить самоубийство, однако ей любопытно знать мое мнение по этому поводу. Я привел все доводы в пользу жизни и против такого решения, я проговорил с ней полчаса, и в итоге женщина пообещала не отнимать у себя жизнь, а обратиться в больницу. Но когда она пришла ко мне на прием, выяснилось, что все мои аргументы нисколько ее не тронули. Единственной причиной, по которой моя собеседница отложила самоубийство, был тот факт, что я не обозлился, когда меня разбудили посреди ночи, а терпеливо ее выслушал, полчаса проговорил с ней. Мир, где такое возможно, стоит того, чтобы в нем жить, решила она.

В психотерапии главным образом это заслуга покойного Людвиг Бинсвангера, что человек вновь восстановлен и утверджен в своем человеческом качестве. Все чаще отношения «Я» и «Ты» рассматриваются как суть дела. И все же нужно добавить еще одно измерение. Встреча «Я» и «Ты» не может быть всей истиной, исчерпывающим сюжетом. По сути, самотрансцендентное качество человеческого существования превращает человека в *существо, тянущееся за пределы себя*. Соответственно, если Мартин Бубер вместе с Фердинандом Эбнером понимает человеческое существование главным образом как диалог «Я» и «Ты», мы вынуждены признать такой диалог несостоятельным до тех пор, пока «Я» и «Ты» не выйдут за пределы себя к смыслу, который лежит вовне.

В той мере, в какой психотерапия, не ограниченная психологическим моделированием и технологиями, основана на личной встрече, подразумевается встреча не двух монад, а двух человеческих существ, хотя бы одно из которых обращено к другому с логосом, то есть со смыслом бытия.

Делая упор на встрече «Я» и «Ты», *Daseinsanalyse* вынуждает партнеров в такой встрече подлинно прислушиваться друг к другу и тем самым освобождает их от онтологической глухоты. Но все же нам предстоит еще освободить их от онтологической слепоты, все же нужно сделать так, чтобы воссиял смысл бытия.

Этот шаг совершает логотерапия. Логотерапия выходит за пределы *Daseinsanalyse* или (так этот термин переводит Джордан Шер) онтоанализа, потому что она озабочена не только онтосом, то есть бытием, но и логосом, то есть смыслом. Этим вполне можно объяснить тот факт, что логотерапия – больше чем просто анализ, она, как указывает само название, терапия. В личном разговоре Людвиг Бинсвангер однажды сказал мне, что, по его мнению, логотерапия, в сравнении с онтоанализом, более активна и, более того, логотерапия может стать терапевтическим дополнением к онтоанализу.

Умышленно упрощая, можно дать логотерапии определение, буквальный перевод – «лечение через смысл» (Джозеф Фабри)^[5]. Разумеется, надо помнить, что логотерапия вовсе не панацея, она показана в одних случаях и противопоказана в других. Во второй части книги, разбираясь с применением логотерапии, мы покажем, насколько она уместна, прежде всего, при неврозе. И тут проступает еще одно отличие логотерапии от онтоанализа. Если максимально сжато определить вклад Бинсвангера в психиатрию, то это более точное понимание психоза, конкретно – особого и специфического способа психотического бытия-в-мире. В противовес онтоанализу логотерапия стремится не к лучшему пониманию психоза, но к более быстрому излечению невроза. Это, конечно, опять-таки упрощение.

В таком контексте следует упомянуть авторов, которые утверждают, что, по сути дела, заслуга Бинсвангера сводится к применению хайдеггеровских концепций в психиатрии, в то время как логотерапия стала плодом применения в психотерапии концепции Макса Шелера.

Теперь, после разговора о Шелере и Хайдеггере и о влиянии их философий на логотерапию, что же мы скажем о Фрейде и Адлере? Разве логотерапия меньше обязана им? Ни в коем случае. В первом же абзаце первой написанной мною книги читатель найдет слова о моем огромном долге перед ними, там я привожу известный образ карлика, стоящего на плечах гиганта: благодаря такой позиции он видит дальше гиганта. Психоанализ есть и всегда будет

незаменимой основой любой психотерапии, в том числе и всех будущих школ. Вместе с тем он обречен разделить судьбу иных фундаментов, то есть сделать невидимкой после того, как на нем будет возведено само здание.

Фрейд был в достаточной степени гением, чтобы сознавать: его исследование ограничено фундаментом, он заглядывал в глубинные слои, в низшие измерения человеческой жизни. В письме Людвигу Бинсвангеру он сам говорил: «Я всегда ограничивался цокольным этажом и фундаментом здания», то есть человека^[6]. Однажды в рецензии на книгу^[7] Фрейд выразил убеждение, что уважение к великому мастеру – вещь правильная, однако уважение к фактам должно быть у нас сильнее. Попробуем теперь заново истолковать и оценить психоанализ в свете фактов, которые выявились лишь после смерти Фрейда.

Такая переоценка психоанализа отклоняется от собственного подхода Фрейда к своим заслугам. Колумб тоже думал, что нашел новый путь в Индию, в то время как открыл новый континент. Есть также разница между тем, во что Фрейд верил и чего он достиг. Он верил, что человека можно объяснить механистической теорией, что его душа может быть излечена техническими методами. А достиг он принципиально иного, того, что и сейчас действительно, лишь бы мы сумели переосмыслить это в свете экзистенциальных фактов.

Согласно одному высказыванию Зигмунда Фрейда, психоанализ опирается на две концепции: он считает причиной невроза вытеснение, а основным способом лечения – перенос. Каждый, кто признает важность этих двух концепций, может с полным правом считать и называть себя психоаналитиком.

Вытеснение преодолевается возрастающей осознанностью. Вытесненное должно быть осознано, или, говоря словами Фрейда, там, где было «Оно», должно настать «Я». Освободившись от механистической идеологии XIX века, рассуждая в понятиях экзистенциальной философии XX века, мы можем сказать, что психоанализ поощряет в человеке понимание самого себя.

Также и концепцию переноса можно уточнить и очистить. Последователь Адлера Рудольф Дрейкурс указал на манипуляторское качество концепции переноса по Фрейду^[8]. Освобожденный же от этого качества перенос можно понимать как средство той человеческой, личной встречи, которая основана на отношениях «Я» – «Ты». И несомненно, для достижения самопонимания требуется такая встреча. Иными словами, формулу Фрейда «там, где было “Оно”, должно настать “Я”» можно расширить: там где было «Оно», должно настать «Я», но *«Я» может сделаться «Я» лишь через «Ты»*.

Что же касается вытесняемого материала, Фрейд полагал, что это секс. В его время секс подавлялся даже на массовом уровне. Это последствие пуританизма, господствовавшего в англосаксонских странах. Неудивительно, что именно эти страны охотно приняли психоанализ и сопротивляются тем школам психотерапии, которые идут дальше Фрейда.

Отождествлять психоанализ с психологией или психиатрией – такая же грубая ошибка, как отождествлять диалектический материализм с социологией. И фрейдизм, и марксизм скорее определенный подход к наукам, чем сама наука. Разумеется, индоктринация – и в восточном, и в западном стиле – способна размыть разницу между сектой и наукой.

Но в некоторых отношениях психоанализ незаменим, и место Фрейда в истории терапии я мог бы проиллюстрировать с помощью легенды, которую рассказывают в старейшей из ныне существующих синагог – в Староновой синагоге Праги, восходящей к Средневековью. Показывая интерьер синагоги, экскурсовод сообщает, что место, некогда принадлежавшее знаменитому рабби Лёву, никогда не осмеливался занять ни один из его последователей. Для приемников рабби отвели другое место, потому что никто не мог сравняться с рабби Лёвом, никто не мог его заменить. Веками никто не допускался на его сиденье. И сиденье, принадлежащее Фрейду, также пребудет пусто.

Часть I

Основания логотерапии

Метаклинические предпосылки психотерапии

Метаклинические основания психотерапии определяются главным образом концепцией человека и жизненной философией. Никакая психотерапия невозможна без опоры на теорию человека и соответствующую философию жизни. Психоанализ в этом смысле также не представляет собой исключения: Пауль Шильдер называл психоанализ *Weltanschauung* – мировоззрением, и лишь недавно Гордон Плейне заявил: «Тот, кто практикует психоанализ, выступает, прежде всего, как моралист» и «влияет на моральное и этическое поведение других людей»^[9].

Итак, вопрос не в том, основывается ли психотерапия на *Weltanschauung*, но скорее в том, насколько эта основа правильна или же неверна. А правильность и неправильность в данном контексте определяются тем, удастся ли этой философии и теории сохранить человеческое измерение человека. Например, человеческие качества отбрасываются и принижаются теми психологами, кто придерживается «машинной модели» или «крысиной модели» (термины Гордона Олпорта^[10]). Что касается первой модели, мне кажется примечательным один факт: покуда человек считал себя творением, он сверял свое существование с образом Создателя, но стоило ему вообразить самого себя творцом, как и собственное существование он сопоставляет со своим же созданием, машиной.

Логотерапевтическая концепция человека опирается на три столпа: свободу воли, волю к смыслу и смысл жизни. Первый, свобода воли, противостоит принципу, определяющему наиболее современный подход к человеку, то есть детерминизму. Вернее, этот принцип противостоит тому, что я привык называть «пандетерминизмом», потому что разговор о свободе воли сам по себе не подразумевает априорный индетерминизм. В конце концов, свобода воли – это свобода именно человеческой воли, то есть ограниченного, конечного существа. Наша свобода не есть свобода от различных обстоятельств, но скорее свобода выстоять в любых обстоятельствах.

Когда Хьюстон Смит из Гарвардского университета (теперь он работает в Массачусетском технологическом) спросил меня в интервью, готов ли я как профессор неврологии и психиатрии признать, что человек зависит от обстоятельств и других факторов, я ответил, что как невролог и психиатр, разумеется, вполне осознаю, до какой степени человек не свободен от всевозможных условий – биологических, психологических и социальных. Но тут же я добавил, что я не только профессор по двум дисциплинам (неврологии и психиатрии), но и узник четырех концентрационных лагерей, и как таковой несу свидетельство о невероятной способности, которая всегда есть и всегда остается у человека, – сопротивляться и противостоять самым ужасным обстоятельствам. Отрешаться от самых ужасных обстоятельств – уникальная способность именно человека. И эта уникальная способность человека отрешаться от любой ситуации, с какой ему доведется иметь дело, проявляется не только в форме героизма, как в концлагере, но и в форме юмора. Юмор тоже уникальное человеческое свойство. И нет повода этого стыдиться. Говорят даже, что юмор имеет Божественную природу. В трех псалмах прославляется смех Бога¹.

¹ Живущий на небесах посмеется (Пс. 2:1); Господь же посмеивается над ним (Пс. 36:13); Пс. 103 целиком о веселии Бога, творящего мир, в том числе такую забаву, как Левиафан (103:26). – *Прим. пер.*

Юмор и героизм – две стороны уникальной человеческой способности *отрешаться*. Благодаря им человек может отрешиться не только от ситуации, но и от самого себя. Он может выбрать собственное отношение к себе. Так он реально занимает позицию перед лицом своих соматических и психических состояний и детерминирующих факторов. Понятно, насколько этот вопрос важен для психотерапии и психиатрии, образования и религии, ведь с такой точки зрения личность свободна формировать собственный характер и человек отвечает за то, каким он становится. В центре внимания оказывается не характер, не порывы и инстинкты сами по себе, но позиция по отношению к ним. Способность занимать такую позицию и делает человека человеком.

Заняв позицию по отношению к соматическим и психическим явлениям, человек поднимается над их уровнем и открывает новое измерение, измерение ноэтических феноменов, ноологическое измерение – в противоположность биологическому и психологическому. В нем располагаются явления, свойственные только человеку.

Можно было бы также назвать это измерение духовным, но, поскольку термин «духовное» имеет религиозный подтекст, лучше его по возможности избегать, ведь то, что мы понимаем под ноологическим измерением, представляет собой антропологический, а не богословский параметр. Такую же оговорку следует сделать в отношении «логоса» в «логотерапии». «Логос» означает и «смысл», и «дух», но опять-таки без специфически религиозных коннотаций. «Логос» здесь означает человечность человеческого существа плюс смысл – что значит «быть человеком»!

Человек достигает ноологического измерения, когда рефлексировывает о себе или, если приходится, отвергает себя, когда он превращает себя в объект размышления или возражает сам себе, когда обнаруживает сознание себя или совесть. Совесть предполагает наличие уникальной человеческой способности подниматься над собой, оценивать и судить свои поступки по моральным и этическим понятиям.

Разумеется, можно лишить такой уникальный человеческий феномен, как совесть, его человечности. Можно рассматривать совесть как результат выработки рефлекса (процесса обусловливания). Но на самом деле такое истолкование подходит лишь, к примеру, для собаки, если та сделала на ковре лужу и, поджав хвост, уползает под диван. В самом ли деле у собаки пробудилась совесть? Я бы скорее предположил в данном случае страх перед ожидаемым наказанием, и этот страх внушен дрессировкой, то есть выработан условный рефлекс.

Сводить совесть к последствиям дрессировки и выработки рефлекса – лишь один из вариантов редукционизма. Я называю редукционизмом псевдонаучный подход, который сбрасывает со счетов и игнорирует человеческую составляющую тех или иных феноменов, сводя их к чему-то меньшему, недочеловеческому. В целом редукционизм можно назвать *субгуманизмом*.

Возьмем для примера два наиболее уникальных человеческих феномена: совесть и любовь. Оба они самые поразительные проявления другой уникальной человеческой способности – способности к *самотрансценденции*, выходу за пределы себя. Человек выходит за собственные пределы навстречу другому человеческому существу или навстречу смыслу. Любовь – та способность, что позволяет человеку воспринимать другого именно в его уникальности. Совесть – та способность, что помогает человеку постичь смысл ситуации именно в ее уникальности, а смысл в полноценном анализе всегда оказывается уникален, как уникален каждый человек. Каждый человек незаменим – если не для всех, то, безусловно, для того, кто его любит.

В силу уникальности интенциональных объектов любви и совести обе эти способности интуитивны. Однако при наличии общего для интенциональных объектов знаменателя уникальности есть между этими способностями и отличие. Уникальность, подразумеваемая любо-

вью, направлена на уникальные особенности любимого человека, в то время как уникальность, подразумеваемая совестью, направлена на уникальную потребность или необходимость.

Редукционизм склонен истолковывать любовь попросту как сублимацию секса, а совесть – попросту в терминах «Сверх-Я». Но я настаиваю, что любовь не может быть всего лишь результатом сублимации секса, поскольку там, где обнаруживается сублимация, любовь оказывается изначальной предпосылкой. Я бы сказал, что лишь в той мере, в какой «Я» с любовью обращено к «Ты», – лишь в этой мере «Я» способно интегрировать «Оно», интегрировать сексуальность в личность.

И совесть не может сводиться попросту к «Сверх-Я» по той очевидной причине, что совесть в определенных ситуациях призвана воспротивиться тем условностям и стандартам, традициям и ценностям, что транслируются «Сверх-Я». Если в каких-то случаях обнаруживается, что совесть противоречит «Сверх-Я», значит, она не может полностью с ним совпадать. Все попытки сводить совесть к «Сверх-Я» и выводить любовь из «Оно» обречены на провал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Хуан Баттиста Торелло отметил это в предисловии к итальянскому изданию книги «Человек в поисках смысла» (Man's Search for Meaning).

2.

Что касается принципа реальности, он обслуживает принцип удовольствия точно так же, как тот обслуживает принцип гомеостаза, вот почему мы должны внятно проговорить его в нашей теории.

3.

См.: Франкл В. Человек в поисках смысла – М.: Прогресс, 1990; Франкл В. Доктор и душа. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016; Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. Авторский сборник. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.

4.

Paul Polak, "Frankl's Existential Analysis," American Journal of Psychotherapy 3: 517–522, 1949.

5.

Joseph B. Fabry, The Pursuit of Meaning: Logotherapy Applied to Life, Preface by Viktor E. Frankl, Beacon Press, Boston, 1968.

6.

Ludwig Binswanger, Reminiscences of a Friendship, Grune & Stratton, New York, 1957, p. 96.

7.

Sigmund Freud, "Über Forel: Der Hypnotismus, seine Bedeutung und seine Handhabung," Wiener medizinische Wochenschrift 34: 1098, 1889.

8.

Rudolf Dreikurs, "The Current Dilemma in Psychotherapy," Journal of Existential Psychiatry 1: 187–206, 1960.

9.

F. Gordon Pleune, "All Dis-Ease Is Not Disease: A Consideration of Psycho-Analysis, Psychotherapy, and Psycho-Social Engineering," International 2464 Journal of Psycho-Analysis 46: 358, 1965. Цитируется по Digest of Neurology and Psychiatry 34: 148, 1966.

10.

Gordon W. Allport, Personality and Social Encounter, Beacon Press, Boston, 1960.